

ВОСПОМИНАНІЯ О ДЕКАБРИСТАХЪ.

I.

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ.

ДЕКАБРИСТАХЪ образовалась довольно большая литература, имѣющая громаднѣйшій интересъ при изученіи эпохи первой четверти девятнадцатаго вѣка въ ея движеніи, въ политическомъ оживленіи интеллектуальныхъ силъ нашего передового общества, проявившагося въ протестъ противъ суроваго режима этого времени.

Первыми борцами въ «освободительномъ движеніи» явились такъ называемые декабристы.

Мы, люди шестидесятыхъ годовъ, хотя застали въ живыхъ немногихъ изъ нихъ, слышали печальную повѣсть изъ устъ самихъ пережившихъ свои бѣдствія въ ссылкѣ и каторгѣ и въ послѣдствіи водворившихся въ мѣстахъ поселенія, какъ свободные граждане.

Общеніе съ ними тогдашней сибирской молодежи приносило величайшую пользу въ просвѣтительномъ отношеніи.

Нужно помнить, что окраинная Восточная Сибирь, разбросанная на тысячи верстъ, почти не имѣла учебныхъ заведеній, кромѣ иркутской гимназіи. При всей жаждѣ къ просвѣщенію, молодежь оставалась безъ образованія, довольствуясь только текущею литературой, сжатой цензурными тисками.

Семь лѣтъ скажи, изъ Сибири ни до какого учебнаго заведенія не доскачешь.

Таковы были образовательныя средства тогдашней Сибири.

Понятно, что декабристы отвѣтили на запросъ и были хоть для маленькаго кружка просвѣтителями и учителями, разумѣется, учителями не въ школьномъ смыслѣ. Впрочемъ, и въ послѣднемъ случаѣ, по недостатку педагогическаго персонала, они охотно брали на себя обязанности домашнихъ учителей и руководителей по воспитанію юношества.

По присущей имъ всѣмъ скромности и политической зрѣлости, они своихъ учениковъ или собесѣдниковъ не втягивали въ политическое новаторство, не разжигали страсти, не звали на баррикады, не проповѣдывали бунты и заговоры. Они сами прекрасно поняли, что несвоевременная политическая агитація можетъ только порождать репрессіи и тормозить естественное развитіе и ростъ общества.

Они полагались только на то, что просвѣщеніе мало-по-малу разольется въ массахъ и само собою явится самосознаніе и гражданская зрѣлость, а вмѣстѣ съ нею и поступательное движеніе...

Я, какъ знавшій нѣкоторыхъ лично и имѣвшій съ ними сношенія и переписку, считъ своей обязанностью въ коротенькихъ хотя бы воспоминаніяхъ бросить въ урну исторіи маленькую крупицу...

Не боясь того, что, можетъ быть, въ своихъ воспоминаніяхъ коснусь уже извѣстныхъ фактовъ, я тѣмъ не менѣе придерживусь тѣхъ впечатлѣній, какія сохранилъ отъ моего знакомства съ пионерами русской гражданственности и бывшими борцами за свободу, погребенными въ рудникахъ Сибири.

Полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ я впервые познакомился съ Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ въ Селенгинскѣ, гдѣ онъ постоянно жилъ. Это было въ 1859 году.

Въ далекой провинціи, какъ Сибирь, въ захолустныхъ городкахъ, общество группировалось только въ большіе праздники, именины, свадьбы и крестины. Въ остальное, буднее время всѣ ютились по своимъ уголкамъ, въ своихъ семьяхъ. На этотъ разъ Селенгинскъ оживился пріѣздомъ гостей изъ Кяхты, въ числѣ которыхъ былъ и я. Праздновались именины моего тестя Дмитрія Дмитріевича Старцева, 26 октября. Гостиныя и зала наполнились гостями. Все селенгинское общество: офицеры, артиллеристы, офицеры казачьяго войска, купцы, мѣстное духовенство. Кяхтинскіе, верхнеудинскіе гости, собравшись въ кучки, неумолчно шумно бесѣдовали.

— Михаилъ Александровичъ Бестужевъ,—представилъ меня мой тесть, вводя въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ Михаилъ Александровичъ въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ.

Общительность, привѣтливость сразу расположили меня въ его пользу.

Вотъ какъ я увидѣлъ его и какъ могу передать его портретъ. Было ему тогда уже за шестьдесятъ лѣтъ, средняго роста, съ полусѣдой головой на сухой жилистой шеѣ, съ выдающимся кадыкомъ, бритыми баками и подбородкомъ, съ нависшими на губы усами, съ толстыми бровями, изъ-подъ которыхъ весело смотрятъ живые, сѣрые глаза, всегда воодушевленные мыслью, лицо сухое, кожа чистая, на лбу и вискахъ съ фіолетовыми жилками, сбѣгающими по щекамъ, носъ съ небольшимъ горбомъ. Движенія живыя и энергичныя. Черный сюртукъ точно виситъ на его худощавыхъ плечахъ, бѣлый жилетъ, сѣрая широкая брюка и бѣлый большой воротъ рубашки, падающій на плечи — весь его нарядъ.

Пусть не посѣтуетъ читатель, что я, описывая наружность Михаила Александровича, точно отмѣчаю паспортныя примѣты. Его портретъ, помѣщенный въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1906 годъ, далеко не даетъ представленія о чертахъ его лица и наружности, какъ изображеніе молодыхъ лѣтъ.

Нѣсколько сутуловатая фигура, съ разставленными ногами, съ трубкой въ рукахъ на длинномъ черешневомъ чубукѣ, изъ котораго пускался дымъ жуковского табаку. Тогда папиросы едва входили въ моду.

Въ то время злободневною темой былъ Гарибальди и его успѣхи на Апеннинскомъ полуостровѣ въ борьбѣ по объединенію Италіи. Всѣ симпатіи, разумѣется, были на сторонѣ героя. Также въ горячей бесѣдѣ часто чередовались имена Мадзини, Кошута, Герцена и другихъ ноборниковъ свободы и національной самобытности.

Бесѣдующіе замыкали Михаила Александровича въ тѣсный кружокъ и вели оживленную бесѣду о современной политикѣ, прислушиваясь къ его рѣшающему голосу.

Лондонская печать Герцена возбуждала тоже живѣйшій интересъ. Издаваемые имъ «Колоколъ» и «Полярная Звѣзда» читались съ жадностью и комментировались на всѣ лады. Тогда Герценъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Искандера, по его популярному псевдониму. «Колоколъ» его не только звонилъ, но даже нерѣдко билъ въ набатъ и слышенъ былъ въ самыхъ далекихъ глухихъ окраинахъ. Свободное, смѣлое слово Искандера, при царившей строгой цензурѣ, производило, конечно, сильное впечатлѣніе на читателя. Запрещенный плодъ всегда сладокъ. Несмотря на страшную отвѣтственность за распространеніе его, онъ проникалъ всюду и передавался отъ одного къ другому съ величайшей осторожностью. Но ни страхъ передъ карой, ни трудность полученія его, а тѣмъ

паче храненія у себя дома, не останавливали любознательнаго читателя.

Другимъ животрепещущимъ вопросомъ былъ вопросъ «объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ». Такъ боязливо и осторожно подходили къ разрѣшенію его, что не упоминали слова «освобожденіе». Все мыслящее общество чутко слѣдило за ходомъ его и всѣми препятствіями къ разрѣшенію этого Гордіева узла.

Михаилъ Александровичъ горячо принималъ къ сердцу всякое извѣстіе и волновался отъ неправильной, но его мнѣнію, постановки вопроса. Волненія Михаила Александровича и горячность въ бесѣдахъ объ освобожденіи крестьянъ понятны. Онъ, въ числѣ другихъ своихъ единомышленниковъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости клалъ въ основу замышляемаго тогда государственнаго переворота. Изъ всѣхъ заговорщиковъ не было ни одного голоса противъ освобожденія, несмотря на то, что всѣ они были въ большей или меньшей мѣрѣ владѣльцами крестьянъ, а нѣкоторые изъ нихъ очень крупными помѣщиками.

Переживавшіе эту эпоху всѣ благомыслящіе русскіе испытывали и радость и тревогу, надежды и опасенія. Освѣдомленность по этому вопросу черпалась только изъ газетъ, а газеты проходили извѣстное чистилице—цензуру, которая была строга безпримѣрно. Изъ Россіи, кромѣ газетныхъ, шли вѣсти путемъ устныхъ разсказовъ пріѣзжихъ изъ Россіи и изъ получаемыхъ писемъ отъ родныхъ изъ очага событій.

Самыя достовѣрныя свѣдѣнія получалъ Михаилъ Александровичъ отъ сестры своей, Елены Александровны, изъ Москвы. Она была неутомимой корреспонденткой, сообщавшей всѣ новости политическія, общественныя и семейныя, или, лучше сказать, хозяйственнаго свойства. Она занималась издательствомъ сочиненій брата Александра Александровича (Марлинскаго). Отъ этихъ-то крохъ питался съ семьей и Михаилъ Александровичъ, съ прибавкою небольшихъ сбереженій отъ своего сельскаго хозяйства да отъ преподавательской практики въ знакомыхъ и дружескихъ семействахъ селенжанъ.

Таковъ былъ первый день моего знакомства съ Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ. Этому минуло чуть не полвѣка, а въ настоящее время, когда я рѣшился огласить въ печати мои воспоминанія, исполнился 80-лѣтній юбилей со дня декабрьскихъ дней.

Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 14 декабря, лучшіе образованные люди того времени на Сенатской площади кровью запечатлѣли свои идеи. Многіе заплатились жизнью, многіе искупили свои увлеченія вѣчной ссылкой въ рудникахъ Сибири, многіе тамъ положили свои кости и немногіе возвратились чрезъ десятки лѣтъ на свои пепелища доживать свои старческіе дни. Всѣхъ ихъ

исторія, или, вѣрнѣе сказать, случайныя воспоминанія, почтили благодарной памятью. То, что считалось тогда неосуществимою мечтой, теперь переходитъ въ фактъ. Неудержимый ходъ исторіи народовъ дѣлаетъ свое дѣло не прерываясь, не останавливаясь идетъ впередъ, дѣлая государственное строительство. Тогда только маленькая горстка передовыхъ русскихъ людей пришла къ сознанию неизбѣжности перехода отъ абсолютизма къ свободѣ, отъ непроглядной тьмы къ свѣту. И эта маленькая величина предприняла грандіознѣйшій государственный переворотъ, оказавшійся не по силамъ и кончившійся гибелью цвѣта русской интеллигентной молодежи. Тогдашняя Россія крѣпостного права и чиновничества, можно сказать, сплошь малограмотная, была совершенно не подготовлена къ гражданственности и свободнымъ учрежденіямъ, не имѣла достаточнаго контингента образованныхъ людей, чтобы воспринять новыя формы правленія, проникнуться убѣжденіемъ въ ихъ необходимости. Понятно, что попытка этой маленькой кучки людей не имѣла подъ собой почвы, а масса не только ея не поддерживала, но даже встрѣтила враждебно.

Катастрофа разразилась въ мрачный, полутемный день 14 декабря 1825 года. Картечи сдѣлали свое дѣло, и Сенатская площадь опустѣла. Московскій полкъ бросился по Галерной и выбѣжалъ на набережную, спустился на тонкій ледъ Невы, который обрушился. Многіе москвичи въ холодной купели нашли могилу.

— Когда мои молодцы были притиснуты къ стѣнамъ Синода и Сената,—говорилъ Михаилъ Александровичъ Бестужевъ,—картечь сыпалась на насъ градомъ, но москвичи стойко выдерживали огонь. Одинъ изъ залповъ подкосилъ моего фельдфебеля, браваго молодца Свистунова, только что мною передъ филипповками повѣнчаннаго. Когда я наклонился къ нему, чтобы заткнуть носовымъ платкомъ бившую кровавымъ фонтаномъ рану, онъ безъ стона и жалобы успѣлъ проговорить: «Оставьте, ваше благородіе... умру за... не оставьте жену». Моя рота уже дрогнула. Еще градъ картечей, и она неудержимо бросилась по Галерной... Хотя я искалъ моментъ ее задержать, но уже весь Московскій полкъ былъ въ замѣшательствѣ и черезъ нѣсколько минутъ стремительно напиралъ уже на бѣжавшихъ впереди узкой улицы, обстрѣливаемый изъ орудій со стороны площади. Главная катастрофа произошла на не окрѣпшемъ еще льду Невы, гдѣ я принималъ послѣднюю попытку задержать бѣгущихъ, сдѣлалъ уже первое построеніе рядовъ... но ледъ не выдержалъ.

Разсказъ свой Михаилъ Александровичъ велъ живо и увлекательно, его старческіе глаза свѣтились, жестами онъ подтверждалъ недосказанное. Какъ теперь его вижу съ трубкою въ рукахъ на длинномъ черешневомъ чубукѣ. Когда въ трубкѣ гасъ огонь, то Филька живо подносилъ зажженную бумажку, и снова Михаилъ

Александровичъ пускалъ клубы дыма жуковского табаку. Его средній ростъ какъ бы сокращался небольшою сутуловатостью. Сѣрая пара лежала на его плечахъ нѣсколько мѣшковато, воротникъ бѣлой рубахи а *l'enfant* спускался до плечъ. Волосы съ значительной просѣдою, уступая мѣсто высокому лбу, зачесанные на виски, раздѣлялись косымъ проборомъ.

Этотъ рассказъ относится къ началу шестидесятыхъ годовъ, уже по выходѣ декабристовъ изъ Петровской тюрьмы, изъ которой освободясь поселились братья Бестужевы, Николай Александровичъ и Михаилъ Александровичъ, и К. П. Торнсонъ въ г. Селенгинскѣ. Тутъ они устроились на берегу рѣки Селенги, три версты ниже города Селенгинска, окруженные скалами, точно для защиты выбирая выгодный стратегическій пунктъ. И, правда, для проѣзда къ нимъ вела лишь высѣченная въ скалѣ одна дорожка.

Домъ Бестужевыхъ стоялъ особнякомъ со службами, построенный изъ сосновыхъ бревенъ, въ пять или шесть комнатъ, обставленный необходимой мебелью. Украшала его гостепріимная хозяйка, Марія Николаевна, жена Михаила Александровича, урожденная Селиванова, сестра мѣстнаго офицера. Тутъ же въ ихъ домѣ жила и незамужняя сестра Маріи Николаевны—Наталья Николаевна. Радостью и утѣшеніемъ былъ маленькій сынокъ Михаила Александровича—Коля, четырехлѣтній мальчикъ, названный такъ въ память брата Николая Александровича.

У Бестужевыхъ собиралось самое веселое общество изъ мѣстныхъ горожанъ и офицеровъ квартирующей батареи и штаба 3-й казачьей бригады. Хозяева не заставляли скучать своихъ гостей, и всѣ чувствовали себя какъ дома.

Михаилъ Александровичъ былъ занимательный собесѣдникъ и неистощимый рассказчикъ о тюремной жизни, которую онъ умѣлъ разнообразить. Петровская тюрьма для многихъ узниковъ была университетомъ, гдѣ недостатокъ образованія пополняли тѣ, которымъ служба и свѣтскія удовольствія въ жизни не давали свободного времени. Доктора, инженеры, артиллеристы — каждый по своей спеціальности—читали лекціи. Никто ими не манкировалъ, и аудиторія каждого лектора была полна. Получаемые книги и журналы на всѣхъ европейскихъ языкахъ не оставляли мѣста для скуки. Хотя всякая книга проходила чрезъ цензуру коменданта Лепарскаго, но онъ не имѣлъ физической возможности ихъ просмотрѣть даже поверхностно, но долженъ былъ поставить свою цензурную отмѣтку. Не владѣя многими европейскими языками, Лепарскій поневолѣ долженъ былъ дѣлать надпись, что «читалъ» книгу, писанную на незнакомомъ ему языкѣ. На одной книгѣ на еврейскомъ языкѣ написалъ «видалъ». Любопытность узниковъ была настолько велика, что не осталась въ пробѣлѣ и еврейская литература. Такихъ филологовъ, разумѣется, было немного. Но общеевропейская литература была многимъ доступна.

Боюсь повторить то многое, что уже имѣется въ печати, и поэтому ограничиваюсь слышаннымъ только изъ устъ самого М. А. Бестужева.

Не чужды были нѣкоторымъ талантливымъ узникамъ и искусства. Николай Александровичъ Бестужевъ былъ далеко не зауряднымъ художникомъ-живописцемъ. Много портретовъ кисти и карандаша его сохранилось и въ семьѣ моего тестя Дм. Дм. Старцева, селенгинскаго жителя. До настоящаго времени, надѣюсь, сохранились портреты декабристовъ, тоже карандаша Николая Александровича, бывшіе у меня и во время оно переданные моему знакомому въ Москвѣ, который, какъ слышно, увѣковѣчилъ ихъ память, издавъ альбомъ.

Кромѣ живописи, Николай Александровичъ былъ механикомъ, часовщикомъ, каретникомъ, шорникомъ. Это былъ большой талантъ по всѣмъ искусствамъ и ремесламъ. Двухколесные кабриолеты его, называемые «сидѣйками», до сихъ поръ не замѣнимы другими подобными экипажами по своей легкости и цѣлесообразности. Они распространены по всему Забайкалью и Иркутской губерніи. И важнѣе всего то, что распространеніе ремеслъ въ Забайкальѣ, въ особенности въ степяхъ между бурятами, всецѣло принадлежитъ Н. А. Бестужеву. Старожилы-бурята хранятъ о немъ до сихъ поръ благодарную память.

Много трудился Н. А. надъ усовершенствованіемъ стѣнныхъ часовъ-хронометра. Знатокъ отзывались съ большой похвалой о этого рода усовершенствованіи. Н. А., какъ морякъ, въ своей морской служебной практикѣ много посвящалъ времени хронометру, такъ какъ на точности его, какъ извѣстно, основываются всѣ вычисленія моряка. Рѣдкой спеціальности не зналъ Н. А., до сельскаго хозяйства включительно. Его почину принадлежитъ въ Селенгинскѣ разведеніе мериносовыхъ овецъ, культивированіе которыхъ шло очень успѣшно и обѣщало полное развитіе, если бы инициаторы этого предпріятія долѣе оставались въ этой странѣ.

Николай Александровичъ былъ рѣдкій патріотъ и на смертномъ одрѣ болѣлъ душой за участь Севастополя, и послѣднія его слова были о немъ: «держится ли Севастополь»?

Эти строки о Н. А. были бы очень блѣдными и сотовъ доли не добавили бы въ біографію его, если бы я умолчалъ о томъ, что и онъ наклонѣ своихъ лѣтъ былъ не прочь отъ семейной жизни, которая, къ сожалѣнію, не могла быть легальной. Онъ оставилъ сына, рожденнаго отъ бурятки, воспитаніе котораго поручилъ своему другу, Дмитрію Дмитріевичу Старцеву, а послѣдній его усыновилъ и воспиталъ нераздѣльно со своими дѣтьми. Когда послѣднія для окончательнаго образованія были отправлены въ столицу, приѣмный сынъ Старцева Алексѣй остался въ Селенгинскѣ и, достигнувъ юношескаго возраста, былъ помощникомъ въ коммерческихъ дѣлахъ своего отца.

Я читалъ біографію Николая Александровича Бестужева, составленную и присланную въ рукописи къ брату его Михаилу Александровичу въ Селенгинскъ Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ. Какъ теперь помню толстую тетрадь, исчерканную то краснымъ, то синимъ карандашомъ вдоль и поперекъ. Этотъ карандашъ принадлежалъ цензорамъ-охранителямъ... чего—трудно сказать. Словомъ, они хоронили память о лучшемъ гражданинѣ своего отечества, какъ выразился біографъ... вотъ какія были вторичныя торжественныя похороны Николая Александровича...

А на самой рукописи надпись цензурнаго комитета гласила: «Такъ какъ рукопись эта составляетъ апологію Николая Александровича Бестужева и лицъ, участвовавшихъ съ нимъ въ заговорѣ, то не можетъ быть допущена къ печати».

Была ли гдѣ напечатана рукопись М. И. Семевского,—я въ періодической литературѣ не встрѣчалъ.

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ пережилъ всѣхъ своихъ братьевъ: Николая Александровича, Александра Александровича (Марлинскаго) и Павла. Онъ умеръ въ Москвѣ, возвратившись черезъ сорокъ лѣтъ изъ ссылки, похоронивъ всѣхъ своихъ близкихъ въ Сибири.

Средства его въ Сибири, какъ я уже сказалъ, были очень скромныя, но безбѣдныя. Жилъ онъ въ Селенгинскѣ со всѣми въ ладу и дружбѣ и былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Многіе ученики его, что называется, вышли въ люди и своимъ честнымъ направленіемъ и относительнымъ образованіемъ рѣзко выдѣлялись изъ окружающей среды купечества, въ то время жившаго по Домострою. Жилъ онъ въ Селенгинскѣ безвыѣздно и только разъ ѣздилъ въ Кяхту (90 верстъ) погостить у хорошихъ знакомыхъ, уступая самымъ искреннимъ неотвязнымъ приглашеніямъ. Это было въ бытность градоначальникомъ тамъ Деспотъ-Зеновича, который старался оживлять общество и «эмансипировать» его въ духъ времени. Тогда же возникла газета «Кяхтинскій Листокъ», въ которую Михаилъ Александровичъ далъ, по просьбѣ Деспотъ-Зеновича, статью, въ формѣ письма къ сестрѣ своей Еленѣ Александровнѣ.

Пріѣздъ М. А. въ Кяхту былъ рядомъ праздниковъ, и къ этому же времени вытащили изъ Петровскаго завода «медвѣдя», какъ называлъ его Михаилъ Александровичъ, Ивана Ивановича Горбачевского, послѣдняго соратника-товарища его. Этотъ въ высокой степени добродушный человекъ, простой, доступный каждому поселянину, стяжалъ себѣ доброе имя и память. Этотъ «послѣдній изъ могиканъ» единственный оставался и умеръ въ Сибири, въ своемъ Петровскомъ заводѣ. Мы, молодежь того времени, за 200 верстъ ѣздили на «поклоненіе» къ Горбачевскому, какъ правобѣрные въ Мекку.

Такъ «этого медвѣдя» вытащили въ Кяхту и чествовали двухъ «послѣднихъ». Къ тому же это время совпадало съ разсвѣтомъ русской мысли, съ пробужденіемъ литературы, съ болѣе свободнымъ словомъ и большими надеждами на будущее. Тогда уже втихомолку говорили о возможности конституціи для Россіи. Да, это было время шестидесятыхъ годовъ, время большихъ надеждъ и упованій. Понятно, что, находясь нашими гостями, піонеры свободы давали намъ подъемъ духа, электризовали насъ; тогда кяхтинское общество обогатилось образованными людьми: Мерцаловымъ, Кокошкинымъ, Реуцкимъ и нѣкоторымъ педагогическимъ персоналомъ, значительно освѣженнымъ. Подъ редакторствомъ Петра Саввича Андруцкаго, учителя женской гимназіи, сталъ выходить «Кяхтинскій Листокъ». Этому изданію обрадовались точно Свѣтлому Христову Воскресенію и всѣми мѣрами ему способствовали: собирали для него свѣдѣнія, писали статьи, вербовали подписчиковъ. Явилась мѣстная обличительная литература, всполошившая весь чиновный міръ. Вдохновителями высокихъ порывовъ нельзя было не признать учителей нашихъ, бывшихъ узниковъ Петровскаго каземата. Миръ ихъ праху, піонерамъ свѣта и добра! Они тяжелой каторгой искупили свои увлеченія, не пришедшія ко времени, а опередившія событія ровно на восемьдесятъ лѣтъ. Тѣло ихъ было заковано въ желѣзо, но мысль, идеи были свободны и разбрасывались какъ доброе сѣмя на благодарную почву.

Передо мною лежатъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія письма М. А. Бестужева и И. И. Горбачевского, только часть не затерянная, а выжившая почти полвѣка.

Первое письмо Бестужева помѣчено 17 мая, полагаю, 1862 года, такъ какъ годъ не обозначенъ. Письмо это, какъ видно, писано вскорѣ послѣ посѣщенія Кяхты. Въ поясненіе нужно сказать, что Михаилъ Александровичъ нашъ маленькій кяхтинскій кружокъ называлъ въ шутку «Соединенными Штатами», по тому увлеченію политическимъ строемъ этой страны, какое мы питали къ Америкѣ.

Вотъ что было начертано:

«Возлюбленной братіи въ Соединенныхъ Штатахъ сущихъ здравія и благоденствія желаю.

«Пока не избрѣтенъ языкъ для выраженія чувствъ благодарности, примите простое русское спасибо за вашъ радушный пріемъ и пріязнь. Пребываніе въ Кяхтѣ останется навсегда въ моемъ сердцѣ. Жаль, что нашъ сморчанскій студентъ Горбачевскій не пріѣхалъ ко мнѣ передъ моимъ отправленіемъ къ вамъ. Если бы онъ тогда мнѣ попался въ лапы, я тогда бъ его похитилъ, какъ красавицу, и бросилъ бы въ живыя волны кяхтинской жизни, — въ нихъ бы онъ достаточно переварился, чтобы измѣнить свое предубѣжденіе противъ вашего, какъ онъ и теперь зоветъ, Забалуй Городка. Но подождемъ, онъ не избѣжитъ этой участи. Приложен-

ное къ Котову письмо, пожалуйста, добрыйшій Петръ Ивановичъ, запечатайте въ конвертъ, сдѣлайте адресъ и передайте лично Якову Ѳедоровичу. Вы знаете русскую натуру—иной доморощенный сюжетъ съ большею охотою вынетъ изъ кармана сторублевую бумажку, чѣмъ рѣшится на клочкѣ бумаги нацарапать десять словъ. Узнайте отъ него рѣшеніе и увѣдомьте меня. Пожмите отъ меня дружески руку всей младой и вольной братіи—ихъ перечислять лишне—вы ихъ знаете. Андруцкаго ¹⁾ попросите извинить меня, что не посылаю съ этой почтой обѣщанной статьи въ «Кяхтинскій Листокъ». Постараюсь прислать съ будущей почтой.

«Аннѣ Дмитріевнѣ поклонъ, Митю поцѣлуйте. Каково-то поживаетъ Лоля? ²⁾ Пожалуйста, увѣдомьте. Обнимаю васъ. М. Б.»

«Я передъ Вами невѣжливо виноватъ. Вы брали для дѣтей билеты на аллегри, и я совсѣмъ забылъ объ этомъ. Пожалуйста, простите и напишите, сколько я долженъ».

«Селенгинскъ. 23 декабря 1861 года.

«Примите душевное поздравленіе съ наступающими праздниками, добрыйшій Петръ Ивановичъ. Желаю вамъ, сыну Свѣта, провести ихъ, какъ подобаетъ, въ радости и въ веселіи духа при празднованіи и рожденіи на землѣ перваго либерала, перваго санкюлота, какъ его называли проснувшіеся отъ ига французы, перваго студента правъ и юстиціи. Но такъ какъ вы изъ числа существъ, носящихъ на костяхъ плоть смертнаго, то желаю вамъ тоже всѣхъ земныхъ и житейскихъ благъ и удовольствій, подобныхъ тому, которыми вы наслаждались, празднуя 14 число. Въ этотъ день вы праздновали русское Свѣтлое Воскресеніе истины, когда ее русскій Пилатъ похоронилъ и запечаталъ своею печатью, не воображая, что она когда-нибудь на Руси воскреснетъ. Я хотя былъ отсутствующимъ при празднествѣ вашемъ, но духовно виталъ въ вашемъ тѣсно благородномъ кружкѣ! Я увѣренъ, что и всѣ наши товарищи, сокрытые уже въ гробахъ, возстали, какъ это было при Воскресеніи Спасителя, и присутствовали съ вами. Благодарю всѣхъ васъ за эту почтенную тризну по погибшимъ за истину.

«Что же касается до поступка Деспотъ-Зеновича, то, по правдѣ сказать, онъ мнѣ кажется смѣшонъ и жалокъ, чтобы не сказать чего-нибудь болѣе. Въ его фамиліи заключается полная характеристика его личности: онъ наглъ, дерзокъ, какъ всякій деспотъ; подлъ и низокъ, какъ переkreщенный польскій жидъ, какой-нибудь Зеновичъ.

«Сдѣлавъ дурной поступокъ, у него недостаетъ настолько правоты, чтобы сознаться въ немъ, а вывертывается, какъ провинившійся школьникъ. Желая удовлетворить ваше любопытство,

¹⁾ Редакторъ «Кяхтинскаго Листка».

²⁾ Лоля, дочь Михаила Александровича, жившая въ то время въ Кяхтѣ у С. С. Сабашиковой, училась въ Троицкосавской женской гимназіи.

я излагаю, какъ было дѣло. Когда деспотическая рука сибирскаго Омара коснулась книгохранилища Пестерева, онъ увѣдомилъ меня, что не только покупать мои книги онъ не можетъ, но не знаетъ, куда сбыть свои, прибавивъ, что онъ надѣется продать библиотечку въ Кяхту, и потому совѣтовалъ сбыть тамъ. Я такъ и сдѣлалъ. Ф. Ф. Кокошкинъ заѣхалъ проѣздомъ изъ Иркутска ко мнѣ и охотно взялся хлопотать объ этомъ. Посѣтивъ меня другой разъ, онъ привезъ мнѣ мой каталогъ съ отмѣткой на немъ книгъ, взятыхъ Зеновичемъ и Карповымъ.

«Выбранныя книги я запаковалъ въ общую посылку и послалъ черезъ Г. М. Сахарова, который отдалъ ее лично отъ моего имени. При посылкѣ письма не было, а на упаковкѣ было только означено число книгъ, взятыхъ Зеновичемъ и Карповымъ, съ означеніемъ ихъ цѣны и съ просьбою къ Зеновичу отобрать свои книги и остальные передать Карпову.

«Недѣли черезъ двѣ Ф. Ф. Кокошкинъ заѣхалъ ко мнѣ, отдалъ деньги отъ Карпова, ничего не упоминая о деньгахъ Зеновича. Съ моей стороны было неделикатно спросить его объ этомъ предметѣ, зная ихъ уже весьма нехорошія отношенія съ Зеновичемъ. Я промолчалъ и такимъ образомъ молчалъ уже шесть мѣсяцевъ, полагая, что Зеновичъ не присылаетъ денегъ потому, что изъ назначенныхъ его персоною книгъ была не выслана одна, именно: текстъ къ описанію Бѣлаго моря съ картами этого моря и Ботническаго залива, адмирала Рейнике. Когда эта книга мнѣ была возвращена изъ чтенія, я отослалъ ее и карты чрезъ нашего почтмейстера, который просилъ Разсказова передать посылку и письмо отъ моего имени, что тотъ и сдѣлалъ едва ли не лично. Скажите, могъ ли послѣ всего этого Зеновичъ предполагать, что вся эта исторія идетъ отъ имени Пестерева? Предположимъ, наконецъ, что онъ былъ въ заблужденіи, что онъ забылъ слова Кокошкина, дѣйствующаго отъ моего имени, предположимъ, что я забылъ о полученіи денегъ черезъ Кокошкина, или, что еще нелѣпѣе, что Кокошкинъ забылъ мнѣ ихъ отдать,—то почему онъ не взялъ на себя труда отдать деньги за послѣднюю присылку книгъ и картъ, хотя бы Пестереву, ежели только онъ нашелъ сходство въ подписи моего имени съ Пестеревымъ. Онъ это могъ сдѣлать тѣмъ болѣе удобнѣе, что Пестеревъ тогда уже былъ въ Кяхтѣ, и недоумѣніе разрѣшилось бы очень просто. Но Зеновичъ-Мудрый предпочелъ молчаніе пла-тежу и думалъ, что этимъ способомъ онъ такъ же отдѣляется, какъ онъ эту продѣлку употреблялъ съ кяхтинцами. Вы, вѣроятно, поняли, что меня бѣситъ не ничто, какъ денежная сдѣлка, а польская дерзость и неделикатность противъ человѣка, который ему ничего не сдѣлалъ худого. Онъ, вѣроятно, меня вызываетъ это сдѣлать. Обнимаю васъ съ моимъ дружкой. Васъ любящій М. Бестужевъ».

Записка отъ 15 ноября (ранѣ сего письма): «Марія Николаевна просить покорнѣйше купить въ Кяхтѣ: сотню китайскихъ яблочковъ, 5 фунтовъ рязани, 12 фунтовъ орѣховой пастилы. Михайлъ Александровичъ покорнѣйше проситъ Петра Ивановича спросить у А. И. Деспотъ-Зеновича, получилъ ли онъ черезъ кяхтинскаго почтмейстера Разказова его письмо и карты Бѣлаго моря и Ботническаго залива, и ежели онъ получилъ, то сказать Зеновичу, что Михайло Александровичъ крайне удивляется, не получая отвѣта на его письмо.

«Прошу васъ не забыть похлопотать о продажѣ фортепьянъ (цѣна 150 руб. серебромъ)».

Воздержусь комментировать о большихъ недоразумѣніяхъ между М. А. Бестужевымъ и А. И. Деспотъ-Зеновичемъ. Поводомъ къ неприятымъ отношеніямъ послужили, разумѣется, не одни денежные расчеты, а болѣе глубокія причины, которыя лежали въ политическихъ взглядахъ того и другого. М. А. Бестужевъ не могъ переваривать заносчивую натуру Деспотъ-Зеновича.

Въ политическихъ вопросахъ рознь лежала въ вопросѣ, разумѣется, польскомъ. М. А. Бестужевъ всегда былъ и истинно-русскимъ и пламеннымъ патріотомъ и не могъ мириться съ польскими тенденціями, проводимыми Деспотъ-Зеновичемъ.

— Не даромъ вы, Александръ Ивановичъ, избрали днемъ открытія «Кяхтинскаго Листка» день 4 мая,—сказалъ Михайлъ Александровичъ послѣ горячаго спора.

— А почему вы думаете?

— Понятно, вы хотѣли почтить годовщину Барской конфедераціи.

— Да. Но 1768 г. не долженъ забываться истымъ полякомъ. Вы правы, я день открытія «Кяхтинскаго Листка» приурочилъ именно ко дню открытія Барской конфедераціи.

Этотъ горячій разговоръ происходилъ въ моемъ присутствіи, въ салонѣ С. С. С—вой въ Кяхтѣ, выгодно освѣщая русскую натуру и русское самосознаніе Михаила Александровича.

По своимъ воззрѣніямъ, по своимъ дѣйствіямъ, русскимъ идеямъ онъ вполне заслуживаетъ почтенный эпитетъ «гражданина».

Нужно ли говорить, что идеи гражданства, приводимыя декабристами, опередили время и событія ровно на восемьдесятъ лѣтъ. Онъ провидѣлъ и пророчески сказалъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ, «что она (истина) когда-нибудь на Руси воскреснетъ». Да, день воскресенія насталъ, и кости бывшихъ борцовъ за гражданскую свободу будутъ спокойно лежать въ своихъ гробахъ.

Домъ Михаила Александровича былъ постояннымъ пріютомъ какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ интеллигентовъ, гдѣ они находили радушный пріемъ и оживленную, разумную бесѣду, подчасъ ве-

селую и остроумную, приправленную анекдотами изъ былого времени.

Первый свободный шагъ Михаила Александровича въ болѣе отдаленные края, чѣмъ Селенгинскъ, былъ на Амуръ, куда онъ ѣздилъ по порученію одной коммерческой компаніи. Такое путешествіе не только его освѣжило, но и нѣсколько поправило его довольно стѣсненный бюджетъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ это путешествіе.

Отъѣздъ его въ Москву сопровождался благими пожеланіями и вмѣстѣ съ тѣмъ горестнымъ чувствомъ утраты хорошаго, добросердечнаго, отзывчиваго на всякое чужое горе сосѣда-гражданина.

Не могу упомянуть о нѣкоторомъ ребячествѣ нашемъ, въ которомъ онъ игралъ роль посредника-мироворца.

Это было въ исходѣ пасхальной недѣли. Кяхтинцы въ числѣ пяти-шести человѣкъ предприняли прогулку въ Селенгинскъ, и я принялъ участіе въ этой компаніи. Но, къ сожалѣнію, между мною и нѣкимъ К. С. К. возникъ довольно серьезный конфликтъ, поведшій къ разрѣшенію его дуэлью. Я поѣхалъ къ Михаилу Александровичу Бестужеву, рассказалъ ему всю исторію и пригласилъ моимъ секундантомъ.

— Вотъ-те разъ,—воскликнулъ Михаилъ Александровичъ:—на берегахъ Селенги рыцари! Право, братцы, это и смѣшно и печально. А кто секундантъ со стороны К.?

— Полковникъ С...

— Мнѣ надо прежде всего потолковать съ нимъ и нельзя ли будетъ эту глупую исторію кончить театральнымъ фарсомъ.

Переговоры къ миру не привели.

Въ субботу рано утромъ Михаилъ Александровичъ пріѣхалъ ко мнѣ.

— Вотъ пара пистолетовъ, подарокъ брата Александра ¹⁾. Я ихъ почистилъ самъ, привелъ въ надлежащій порядокъ. Желательно,—добавилъ Михаилъ Александровичъ:—чтобы эта комедія кончилась комедіей.

Въ пяти верстахъ отъ города Селенгинска, при переправѣ черезъ рѣку Селенгу, на такъ называемой Стрѣлкѣ, въ прибрежномъ острову собрались дѣйствующія лица. Когда бралъ отъ секунданта пистолетъ мой противникъ, то едва его удержалъ въ рукахъ, такъ волновался и былъ блѣденъ и бѣлъ, какъ полотно. Замѣченную робость противника я уже причислялъ къ моимъ шансамъ.

Подъ ногами хрустѣла и скользила береговая галька, на которой шагали секунданты, опредѣляя барьеръ.

¹⁾ Александра Александровича Бестужева (Марлинскаго).

Рѣка быстро мчала громадныя льдины, подвигавшіяся на берегъ и шурша и шумя разсыпавшіяся мелкими иглами и кристаллами, давала фонъ мѣсту дѣйствія. Но для меня вся эта поэтическая обстановка, съ бурнымъ весеннимъ ледоходомъ, яркимъ утреннимъ солнцемъ, играющимъ въ кристаллахъ нагроможденнаго льда, производила какое-то унылое впечатлѣніе, какъ бы что-то прощальное. Сознаю, что я не былъ равнодушенъ передъ пулей, которая могла прервать мое сознаніе, мое бытіе. Я могъ быть черезъ нѣсколько моментовъ матеріаломъ минерально-химическаго царства, въ которомъ мое собственное «я» исчезнетъ во мракѣ чего-то неизвѣстнаго; неизвѣстнаго за предѣлами бытія, называемаго жизнью. Тутъ могъ упасть занавѣсъ, занавѣсъ вѣчнаго мрака, того ничто, которое называется смертью.

Окружающія горы, голубая лента рѣки, кудрявая, еще не ожившая группа плакучихъ ивъ и черемуха, можетъ быть, посылали мнѣ навѣки прощальный привѣтъ... А жизнь въ 25 лѣтъ манила впередъ заманчивыми перспективами.

Мысль болѣе интенсивная, чѣмъ въ нормальное время, съ необыкновенной ясностью рисовала картину семьи: жена и шестимѣсячный въ люлькѣ птенецъ. Имя сынишки неотступно жило въ моемъ мозгу, въ моемъ сознаніи; идя къ барьеру, онъ рисовался мнѣ съ поднятыми кверху пухленькими ручонками, точно звалъ, манилъ меня къ себѣ. Все это съ непостижимою быстротою и отчетливостью, въ цѣлыхъ картинахъ, мелькало передо мною...

Двадцать шаговъ...

Пафъ...

— За вами... остальныхъ словъ я не слышалъ.

Пафъ... Это былъ мой выстрѣлъ, умышленно съ поднятымъ дуломъ вверхъ.

Я, бросивъ пистолетъ, быстро пошелъ къ моему... нѣтъ, уже не противнику...

Мой поцѣлуй былъ горячій, искренній. Для меня весь міръ показался въ ореолѣ лучезарнаго свѣта, вся природа точно ликовала вмѣстѣ со мною. Я чувствовалъ себя праведникомъ, на недосягаемой высотѣ, въ сонмѣ ангеловъ. Трудно передать настроеніе той минуты, которая миромъ наполнила все мое существо. Въ тотъ моментъ я полюбилъ весь міръ, всѣхъ готовъ былъ обнять, расцѣловать. Перваго крѣпко обнялъ и поцѣловалъ Михаила Александровича...

Такъ кончился сыгранный фарсъ, въ которомъ дѣйствующія лица вошли въ свои роли настолько, что не подозревали того, что они были только актерами въ траги-комедіи.

Впослѣдствіи Михаилъ Александровичъ признался, что онъ и не ожидалъ отъ такого поединка печальнаго исхода. Привелъ я этотъ эпизодъ потому, чтобы яснѣе показать ту тѣсную связь

Михаила Александровича съ обществомъ, съ которымъ онъ сжился и съ которымъ дѣлилъ всѣ радости и горе.

Все окружное населеніе чтило и уважало его. У кого радость—зовуть его на именины, на крестины, на свадьбу; у кого горе—идутъ у него искать совѣта, помощи...

Разставя ноги, съ трубкою на длинномъ черешневомъ чубукѣ, внимательно выслушивалъ онъ собесѣдника или собесѣдницу.

— Ну?

Это «ну» значило, что Михаилъ Александровичъ терпѣливо ждетъ продолженія разсказа.

— Ты, матушка, сама виновата. Корову ты продала, не спросясь мужа. Вотъ теперь и пеняй на самое себя. А крѣпко онъ того...

— Вся въ синякахъ, кормилецъ. Нужда была.

— Ну, дѣло поправимо. Корову я тебѣ дамъ на все лѣто доить. Осенью ты мнѣ ее сдашь обратно; да и толку-то отъ нея ужъ не будетъ, а придется сѣномъ зиму кормить.

Корову далъ безвозмездно, ребятишекъ сдѣлалъ на все лѣто съ молокомъ.

Марья Николаевна пожалѣла новотельную холмогорку, но не упрекнула за доброе дѣло. Дойныхъ коровъ у Михаила Александровича и у самого было всего три головы.

Такъ нерѣдко Михаилъ Александровичъ дѣлился со своими бѣдными сосѣдями.

Онъ былъ преподавателемъ при дѣтяхъ мѣстнаго купца Д. Д. Старцева. Старшій сынъ Семенъ Дмитріевичъ, приготовленный Михаиломъ Александровичемъ, уѣхалъ въ Москву въ университетъ, двое младшихъ, въ возрастѣ 14—15 лѣтъ, проходили подъ непосредственнымъ руководствомъ Михаила Александровича гимназическій курсъ. Семейство Старцевыхъ состояло съ Бестужевыми не только въ дружбѣ, но и въ родственныхъ связяхъ: Николай Александровичъ у Дмитрія Дмитріевича крестилъ дѣтей и въ малолѣтствѣ былъ тоже ихъ наставникомъ. Жена моя, урожденная Старцева, была крестницей Николая Александровича, а также и сестра ея Ф. Д. Обѣ, приготовленные имъ, поступили и окончили иркутскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Изъ всѣхъ портретовъ писанныхъ Николаемъ Александровичемъ, теперь хранится у моей дочери портретъ ея бабушки, Агніи Никитичны, урожденной Сабашниковой. Другіе портреты, работы Николая Александровича, остались въ Селенгинскѣ, въ домѣ Старцева, гдѣ я не былъ уже болѣе 30 лѣтъ. Тамъ теперь на пепелищѣ Бестужевыхъ остались два полуразрушенныхъ памятника: Николая Александровича Бестужева и Константина Петровича Торнсона.

Къ сожалѣнію, къ могилѣ ихъ заросла тропа народная. Давно забыты...

II.

Иванъ Ивановичъ Горбачевскій.

Послѣ полной амнистіи въ 1857 г. Иванъ Ивановичъ Горбачевскій остался на постоянное жительство, дотягивать свои печальные дни, въ той угрюмой, огороженной высокими горами и лѣсами котловинѣ, что зовется Петровскимъ заводомъ.

Заводъ этотъ пріютился въ мрачномъ ущельи съ протекающей рѣчкой Балегою, впадающей въ р. Хилькъ, въ западныхъ отрогахъ Яблоноваго хребта.

Родина, повидимому, его не тянула, онъ ее рѣдко вспоминалъ и только въ связи съ событіями 1825 года. Изъ родственниковъ оставались въ живыхъ сестра его Анна Ивановна да ея сыновья, Квисты.

Послѣдній его портретъ представляетъ суровую наружность, обросшую большими баками и чисто малороссійскими усами и значительною растительностью на головѣ, мало утраченной отъ времени. Несмотря на суровую наружность, онъ сохранилъ почти дѣтское добродушіе и безграничную довѣрчивость къ людямъ. Зато и платили ему сторицею любовью и уваженіемъ всѣ окружающіе его.

Обыденная, будничная жизнь Ивана Ивановича текла однообразно въ мелкихъ хлопотахъ по хозяйству, въ которомъ первое мѣсто занимала его мельница, которая едва ли не была ему въ убытокъ, судя по его довѣрчивости и добродушію. Мельничное его хозяйство носило анекдотическій характеръ, и вся контора по его мельницѣ велась тутъ же записью на стѣнахъ мѣломъ. Купленное зерно онъ размалывалъ и муку раздавалъ въ долгъ жителямъ завода и окрестнымъ крестьянамъ. Долги, разумѣется, собирались туго и частью совсѣмъ пропадали.

— Обождите, пожалуйста, Иванъ Ивановичъ, до осени, отдамъ съ благодарностью.

И осень прошла, и весна подошла, — долгъ остался, да еще подоспѣла новая нужда и новая ссуда.

— Да, что же, матушка моя, какъ же это будетъ? Мнѣ вѣдь надо самому пшеницу-то купить, гдѣ же я буду деньги брать?

Передъ Иванъ Ивановичемъ былъ изъ деревни Подлапотокъ Сидоръ Евстафьевъ, а не «матушка», но Иванъ Ивановичъ привыкъ всѣхъ мужиковъ называть «матушка моя». И вотъ «матушка моя» разжалобитъ разными невзгодами и снова получаетъ мучки пудикъ-другой, да и крупки не забудетъ припросить.

Приходитъ новый проситель.

— Какъ бы, Иванъ Ивановичъ, мучкой разживиться, ребята голодны, ѣсть просятъ.

— Да ты, матушка моя, за старую муку, кажись, не заплатилъ.

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, я вамъ все старое уплатилъ, на медни послѣдніе два пуда отдалъ.

— Что-то не помню, Пахомъ. А вотъ у меня гдѣ-то тутъ записано.

И Иванъ Ивановичъ идетъ къ стѣнѣ, къ своимъ бухгалтерскимъ записямъ.

— Посторонись-ка, Пахомъ, вотъ тутъ гдѣ-то... и, приложивъ къ носу свой лорнетъ, похожій на ножницы, раздвигавнійся снизу, ищетъ запись.

Во все это время Пахомъ крѣпко терся у стѣны и весьма успѣшно сдѣлалъ погашеніе своего долга, отъ котораго остались лишь слѣды на спинѣ, точно напудренной мукой.

Иванъ Ивановичъ обошелъ всю стѣну, приставляя къ самому носу свой лорнетъ-ножницы, внимательно разсматривая всѣ записи, но ничего не нашелъ.

— Нѣту, матушка моя, не найду.

— Отдалъ, видитъ Богъ, отдалъ.

— Ну, коли нѣтъ записи, значитъ отдалъ.

Пахомъ взваливаетъ на плечи мѣшокъ съ мукой и плетется домой, не особенно заботясь о возвратѣ.

Помимо безплодныхъ заботъ по хозяйству, такъ же шла и его педагогическая дѣятельность, такъ сказать, изъ любви къ искусству. Немногочисленный кружокъ питомцевъ состоялъ изъ дѣтей, мѣстныхъ жителей, служителей заводскихъ да канцеляристовъ. Преподавалась первоначальная грамота по программѣ уѣздныхъ училищъ, или же и просто ограничивалась чтеніемъ и писаніемъ. Обращалось болѣе вниманія на тѣхъ, которые выдавались способностями. Однакожъ изъ питомцевъ Ивана Ивановича выходили и много обѣщающіе. И изъ нихъ рельефно выдѣлился и пошелъ далѣе первоначальнаго образованія Ілья Степановичъ Елинъ. Окончивъ иркутскую гимназію, онъ съ успѣхомъ завершилъ свое образованіе докторомъ въ московскомъ университетѣ. С. П. Боткинъ скоро замѣтилъ талантливаго врача и пригласилъ его быть своимъ ассистентомъ. Но блестяще начавшаяся его карьера была очень непродолжительна: усиленные занятія подкосили его здоровье; благорастворенный мягкій климатъ Італіи не могъ помочь расшатанному организму, и угасъ почти юношей будущая знаменитость.

Матеріальныя средства Горбачевского поддерживались его сестрой, Анной Ивановной Квистъ, и комиссіонными порученіями нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ. Золотопромышленникъ Бутацъ, имѣя дѣла въ чигайской тайгѣ, давалъ комиссіонныя порученія, оплачиваемыя хотя не особенно щедро, но достаточно для

того, чтобы, съ добавкою еще кое-какихъ случайныхъ доходовъ, безъ особенныхъ лишеній можно было существовать, въ особенности въ Петровскомъ заводѣ, гдѣ все было дешево, не тратясь на квартиру, имѣя собственный домикъ.

Управляющіе Петровскимъ желѣзодѣлательнымъ заводомъ горные инженеры, какъ люди образованные, всегда оказывали отмѣнное къ Ивану Ивановичу расположеніе и косвенную поддержку, незамѣтную для него самого. Нравственное вліяніе и на правителей завода сказывалось, такъ сказать, смягчающимъ давленіемъ. Жестокое обращеніе съ безправнымъ людомъ, какъ горнорабочіе и разные служители, даже въ то безчеловѣчное время не выражалось рѣзко, какъ на другихъ заводахъ. Горнозаводскіе рабочіе и служащіе свободно вздохнули во время управленія Петровскимъ заводомъ Оскара Александровича Дейхмана, чловѣка въ высшей степени гуманнаго, друга Горбачевского.

Когда Дейхманъ получилъ главное начальство надъ всѣмъ Нерчинско-заводскимъ горнымъ округомъ, вскорѣ послѣ такого безчеловѣчнаго горнаго начальника, какимъ былъ Разгильдѣвъ, весь горный міръ буквально ожилъ и впервые позналъ права и свое чловѣческое достоинство. Да и самое время 60-хъ годовъ носило уже въ себѣ новое вѣяніе, вѣяніе возрожденія гражданскихъ правъ и гражданской свободы. Къ этому же времени принадлежитъ и освобожденіе всѣхъ горнозаводскихъ рабочихъ отъ крѣпостной зависимости. Свобода и новое чловѣчное начальство оживили духъ и, такъ сказать, плоть десятковъ тысячъ кабинетскихъ крестьянъ.

Оскаръ Александровичъ Дейхманъ далъ тонъ всему подвѣдомому ему управленію, и горные гномы, прежде обитавшіе въ подземельяхъ, вышли на свѣтъ Божій.

Но прекраснаго начальника, каковымъ былъ Дейхманъ, лишила Нерчинско-заводскій округъ несчастная случайность, въ которой онъ былъ неповиненъ. Въ то время, когда свобода только что стала расправлять крылья, Фемида точно испугалась полета могучаго орла и стала подрѣзывать ему перья, проявлять репрессіи. Назрѣвающая общественная мысль нашла своего выразителя въ лицѣ Михаила Иларіоновича Михайлова, который былъ осужденъ и сосланъ въ каторгу, въ тѣ подземелья, что называются нерчинскими рудниками. Тамъ въ то время на одномъ изъ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ былъ управляющимъ братъ сосланнаго, горный инженеръ Петръ Иларіоновичъ Михайловъ. Дейхманъ, чтобы облегчить участь узника, назначилъ ему мѣстомъ для отбыванія каторги Казаковский промыселъ, гдѣ братъ его начальствовалъ. Не будемъ говорить о томъ, что братъ не могъ видѣть брата въ ножныхъ желѣзныхъ браслетахъ и, понятно, освободилъ его отъ такого украшенія. Арестантскій халатъ тоже былъ замѣненъ

простымъ костюмомъ. Затѣмъ въ высшія сферы полетѣлъ доносъ, возникло слѣдствіе; начальствующіе отрѣшены отъ должностей, отданы подъ судъ. А проповѣдникъ свободы и новыхъ началъ обрѣлъ въ Акатуевскомъ рудникѣ какъ разъ противоположное тому, чего хотѣлъ: самое тѣсное помѣщеніе безъ свѣта и воздуха. Акатуевская тюрьма, а затѣмъ могила похитили у общества борца за свободу и нарождающуюся женскую эмансипацію.

Невольно я забѣжалъ впередъ. Возвращаюсь къ временамъ послѣднихъ годовъ узника Петровскаго каземата.

Преемниками Дейхмана въ Петровскомъ заводѣ были послѣдовательно горные инженеры: Н. Н. Дубровинъ, Пав. Вас. Богославскій, Андрей Ник. Таскинъ. Всѣ прекрасные люди и друзья Горбачевского.

Общество мѣстное составляли священникъ, два купца да заводскіе служащіе. Иванъ Ивановичъ не только со всѣми былъ въ ладу, но всѣми уважаемъ, былъ въ своемъ родѣ патриархомъ.

Петрозаводское общество нерѣдко оживлялось пріѣзжими гостями. Этотъ маленькій горный мірокъ имѣлъ и свою интеллигенцію, группировавшуюся, разумѣется, около Ивана Ивановича. Интересы современной литературы были не чужды кружку, а также и литературы заморской, съ «Того Берега», которая проникала въ эти трущобы не безъ труда и риска. Но зрѣлые люди не злоупотребляли запретнымъ плодомъ, не вели преступной пропаганды, свободное слово ничего не колебало, ни на что не вызывало, кромѣ тѣсно-семейныхъ бесѣдъ втихомолку. Нельзя не сказать, что это слово благотворно вліяло и на начальствующихъ, на ихъ убѣжденія и на поступки въ отношеніи къ ихъ подчиненнымъ. Даже до освобожденія прикрѣпленныхъ къ заводамъ крестьянъ прежняя жестокость стала уступать мѣсто человѣчности. Кто читалъ Герцена, тотъ уже не рѣшался гнуть въ бараній рогъ своего раба. Духъ свободы, гуманности, гражданскаго долга вѣялъ точно въ воздухъ и облагораживалъ поступки предержавшихъ властей. Вспоминая эти добрыя начала, сердечно радовавшія меня, я охотно ихъ отмѣчаю, какъ характеризующія горное начальство 60-хъ годовъ по сравненію съ предшествовавшими.

Я бывалъ и живалъ въ самомъ центрѣ каторги — въ Карѣ и Шахтамѣ—еще до 60-хъ годовъ и насмотрѣлся вдоволь на звѣроподобныхъ начальниковъ, не щадившихъ ни заслуги, ни даже возраста подчиненныхъ,—подчиненныхъ штейгеровъ, горныхъ урядниковъ, не говоря даже уже о рядовыхъ писаряхъ, съ тѣми и другими нисколько не церемонились и подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ наравнѣ съ горнорабочими и каторжанами. Нѣкоторыхъ поролъ безъ разжалованія, то есть оставляя въ званіи урядниковъ и штейгеровъ, другихъ же не просто, а съ церемоніей, такъ сказать, торжественно. Обыкновенно экзекуція происходила на мѣ-

стахъ самыхъ работъ, въ «разрѣзѣ» (разрѣзомъ называется мѣсто выработанныхъ песковъ, это родъ глубокой широкой канавы, гдѣ происходитъ самое многолюдное движеніе). Если это горный урядникъ, то на мѣстѣ экзекуціи разводился костеръ и церемонія начиналась командой: «Лычки долой!» Лычками назывались галуны на воротникѣ и обшивкахъ мундира. Съ виновнаго, съ понурой головой и убитымъ видомъ, спарывали знаки его урядническаго достоинства и бросали въ горящій костеръ... Затѣмъ.. затѣмъ происходилъ актъ, о которомъ лучше умолчать. И этотъ униженный, посрамленный, лишенный человѣческаго достоинства служащій опять становился въ ряды мелкаго начальства, и онъ свое униженіе вымещалъ на еще болѣе мелкихъ единицахъ. Каковъ же могъ быть его авторитетъ? И оправданіемъ всего этого могла быть круговая безправность. Не могу не привести хотя одинъ изъ многихъ случаевъ съ однимъ горнымъ урядникомъ, котораго я зналъ лично и зналъ, какъ порядочнаго человѣка, любознательнаго, читающаго, слѣдящаго за литературой, кончившаго курсъ въ нерчинско-заводскомъ горномъ училищѣ, чистенькаго, франтоватаго. Человѣкъ, мечтавшій уже о классномъ чинѣ, стоявшій въ ряду интеллигенціи. И этотъ человѣкъ подвергся ужасному позору. Послѣ экзекуціи онъ болѣе года нигдѣ не показывался и запыль мертвую. Таковы были нравы въ горномъ мірѣ.

Эти параллели съ 60-ми годами рѣзко раздѣляютъ два періода, рисуютъ предшествующую эпоху 50-хъ годовъ съ начальствомъ, которое не «развращалось» ни энциклопедистами, ни чтеніемъ Герцена, никакихъ гуманныхъ идей не знало и не исповѣдывало, и съ тѣмъ, котораго коснулось новое вѣяніе, и запахло въ воздухѣ чѣмъ-то инымъ, свѣжимъ, бодрящимъ, зовущимъ впередъ, къ перелому общественнаго строя.

Въ географическомъ отношеніи Петровскій заводъ занималъ юго-восточный уголъ Забайкалья, гдѣ Яблоновый хребетъ, выйдя изъ плоскогорья Монголіи, направился на сѣверо-востокъ, между двумя водными системами: Ононской съ притоками амурскими и Чикойской—притоками сѣверо-аксанскихъ водъ съ озеромъ Байкаломъ. Дремучіе лѣса Чикоя къ сѣверу смѣнились между рѣкой Хилкомъ и истоками рѣки Витима степной мѣстностью и извѣстны подъ названіемъ «Братской степи». Съ единственною грунтовою дорогою, соединяющей Верхнеудинскъ и Читу, благодатныя земли Хилка привлекли трудолюбивое населеніе старообрядцевъ, мѣстными жителями называемыхъ «семейскими». Семейскіе, какъ лучшіе хлѣбопашцы, раскопали дѣвственную почву, расчистили лѣса и съ горъ провели канавами воду, оросили суходолье и стали кормильцами всего Забайкалья. Петровскій заводъ всѣми продуктами пользовался изъ этого района. Въ свою очередь, заводъ снабжалъ населеніе желѣзомъ: сошниками, боронами, разными подѣлками до гвоздя включительно.

Петровскій заводъ исключительно существовалъ для нуждъ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ, поставляя для нихъ все желѣзо и разныя издѣлія. Но это все-таки на всю Восточную Сибирь былъ единственный желѣзодѣлательный заводъ, хотя далеко не удовлетворявшій всѣмъ потребностямъ деревенско-промышленнаго хозяйства.

Это маленькое отступленіе, хотя очень краткое и неполное, я позволилъ себѣ сдѣлать только въ виду того, чтобы приблизительно познакомить читателя съ пустыннымъ краемъ далекой Сибири, гдѣ изгнанники, борцы за свободу и цивилизацію, были похоронены заживо и все-таки оставались живы духомъ, идеями и той самой волей, которая не даетъ умирать, не даетъ мѣста забвенію, а остается вѣчною, осязаемою, понятною, вниѣдряемою во все сущное, разумное.

Памятникомъ былого, гдѣ была похоронена идея величайшаго изъ благъ человѣчества—гражданская свобода, остался Петровскій казематъ. Онъ теперь, слава Богу, опустѣлъ, остались только стѣны и высокія пали съ заостренными верхушками да поросшія крапивою и бурьяномъ дворъ, гдѣ бряцали цѣпами 105 представителей неволи. Но ни уныніе, ни отчаяніе, ни скука, ни индифферентизмъ не имѣли мѣста въ этомъ изолированномъ міркѣ, ограниченномъ пространствомъ нѣсколькихъ сотенъ квадратныхъ сажень.

Не могла быть скука тамъ, гдѣ каждый узникъ работалъ всякій по своей специальности. Многіе изъ нихъ пополняли свое образованіе тутъ же въ стѣнахъ каземата въ собственномъ университетѣ, аудиторія котораго въ слушателяхъ недостатка не имѣла. Итакъ, за высокими палями кипѣла умственная жизнь, а внѣ ихъ, какъ въ Дантовомъ аду, день и ночь тяжело дышала доменная печь, извергая дымъ и пламя. Тутъ, прикрытые войлочными панцырями съ такими же забралами, точно плясали, бѣгая кругомъ огненного чудовища, ломами и баграми пробивали брешь въ «домнѣ», которая тотчасъ же выпускала огненный ручей расплавленного чугуна. Ручьи эти дѣти сатаны направляли въ формоски. Въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ глыбы чугуна, уже остывшаго, гномы ввергали снова въ огненные печи, называемыя пудлинговыми, превращали въ тѣсто и, доведя до блага каленія, баграми и щипцами вытаскивали изъ печи двухпудовые куски, или «крицы», и клали между молотомъ и наковальней. Другіе гномы въ такомъ же адскомъ одѣяніи съ двухъ сторонъ съ остервенѣніемъ били тяжелыми молотами по раскаленнымъ крицамъ, издававшимъ шипѣніе, стонъ и обсыпавшимъ истязателей фонтанами огненныхъ брызгъ. Шумъ, лязгъ и стукъ молотковъ производилъ невообразимую какофонію. Кипятъ въ этомъ огненномъ котлѣ сотни рабочихъ всю глубокую ночь до слѣдующей утренней смѣны. Под-

ростки отъ 12 до 15 лѣтъ, на рабочемъ жаргонѣ—«духи», суетятся тоже всю ночь. Это по истинѣ «горные духи», духи зла, созданные непосильной работой, утомленіемъ и несправедливостью со стороны старшихъ. Эти чертенята отличаются озорствомъ и рады устроить каверзы старшимъ, которые имъ платятъ подзатыльниками.

Побывавъ въ этомъ не вымышленномъ, не созданномъ фантазіей поэта, а въ дѣйствительномъ аду съ грѣшниками и чертями, въ огнѣ и пламени, задаешься вопросомъ: какъ живые люди могутъ переносить этотъ по истинѣ адскій трудъ?

Это каторга, каторга свободныхъ людей, кускомъ хлѣба принужденныхъ всю жизнь жить въ такихъ условіяхъ, въ такой атмосферѣ, безъ просвѣта и надежды на лучшее будущее. Вотъ тутъ была бы справедлива надпись: «Входящій, оставь надежду навсегда».

Невольно увлекшись фізіономіей Петровскаго завода, я сдѣлалъ опять значительное отступленіе и прервалъ нить разсказа. Отъ удручающихъ картинъ перехожу къ болѣе свѣтлымъ.

Бывали и веселые дни «Аранжуэца», когда пилигримы, то по одиночкѣ, то цѣлыми партіями наѣзжали въ Петровскій заводъ навѣстить послѣдняго изъ «могиканъ». Тогда мѣстный муравейникъ закипалъ бурной жизнью, все мѣстное общество группировалось, веселилось, визитировало. Патріархальное гостепріимство развертывалось во всю ширь.

Изъ многихъ другихъ я упомяну одинъ случай большого наѣга на Петровскій заводъ, въ которомъ участвовалъ и Михаилъ Александровичъ Бестужевъ. Это было въ 1862 году. Мой тесть, Дмитрій Дмитріевичъ Старцевъ, житель Селенгинска, вступалъ во второй бракъ съ дѣвицею Х. П. Сычовой, дочерью петровско-заводскаго священника. Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, какъ кумъ и пріятель Старцева, былъ архитриклиномъ — распорядителемъ пира. Для этого бракосочетанія весь свадебный кортежъ, въ составѣ десятка экипажей, долженъ былъ перенестись на борзыхъ тройкахъ за 200 слишкомъ верстъ въ мѣстопробываніе невѣсты, въ Петровскій заводъ. Движеніе этого поѣзда продолжалось два дня съ остановками въ деревняхъ для ночлега и отдыха. Нужно ли говорить, что это было самое веселое путешествіе подъ предводительствомъ Михаила Александровича, который былъ неистощимъ въ своемъ остроуміи, съ приправою подходящихъ къ случаю анекдотовъ. Пріѣздъ нашъ въ Петровскій заводъ чествовался, можно сказать безъ преувеличенія, всѣмъ населеніемъ. Свадебный разгулъ съ безконечными визитами длился нѣсколько дней. Особымъ радушіемъ и гостепріимствомъ отличались: Николай Николаевичъ Дубровинъ, управляющій заводомъ, мѣстный купецъ Борисъ Васильевичъ Бѣлозеровъ, Александръ Петровичъ Катышевцевъ и многіе мѣстные граждане. Гости размѣщались въ нѣ-

сколькихъ домахъ, я водворился у Ивана Ивановича. Визиты ноброачныхъ и гостей образовали цѣлую вереницу экипажей всякихъ фасоновъ и калибровъ, даже древняя коляска Ивана Ивановича, запряженная парю гнѣдыхъ, съ кучеромъ Ахметомъ заняла почетное мѣсто въ кортежѣ. Не совсѣмъ привычная роль Ахмета къ кучерской обязанности при выѣздѣ изъ тѣхъ или другихъ воротъ, при крутыхъ поворотахъ, грозила намъ съ М. А. и И. И. опасностью быть опрокинутыми. Перспектива кувырколеги вызвала возгласы Ивана Ивановича и предостереженія:

— Ты, Ахметъ, насъ не обороти! Тише, тише, пожалуйста, Ахметъ.

— Ну, что же, превратимся въ «оборотней»,—шутить Михаилъ Александровичъ.

Но все-таки Ахметъ насъ въ оборотней не превратилъ.

Послѣ шумныхъ прогулокъ по стогнамъ завода вся компанія отправилась въ казематъ, теперь, къ счастью, опустѣлый.

— Вотъ тутъ у насъ былъ общій залъ, гдѣ читались лекціи, устраивались литературные вечера,—давалъ объясненія посѣтителямъ Михаилъ Александровичъ.

Осматривая всѣ камеры, будившія воспоминанія объ узникахъ, посѣтители выдергивали изъ стѣнъ гвоздики, чтобы сдѣлать изъ нихъ кольца.

Всѣ прежніе обитатели каземата съ глубокой благодарностью вспоминаютъ коменданта своего, генерала Лепарскаго, приставленнаго къ нимъ блюстителемъ императоромъ Николаемъ I. Онъ при своей строгости и неуклонномъ исполненіи долга умѣлъ ладить «со своими дѣтьми» и не разъ предупреждалъ вспышки горячихъ головъ и удержалъ отъ еще горшихъ несчастій.

Чтобы свадебный праздникъ, начатый за здравіе, не свести за упокой, расскажу его финалъ. Послѣдній вечеръ всѣ гости собрались у Ивана Ивановича. Тосты чередовались одинъ за другимъ, шумѣли и веселились нараспашку. Небольшія комнаты Ивана Ивановича были биткомъ набиты. Веселые гости устроили нѣчто въ родѣ маскарада. Н. Н. снялъ со стѣнъ шаманское облаченіе и, нарядившись въ его желѣзные доспѣхи, протанцовалъ, побрякивая бубенчиками, подъ звуки незатѣйливыхъ инструментовъ «русскую». Нашлись и сореовнователи. На каминѣ мирно покоились два шаманскихъ черепа, сыгравшіе роль старинныхъ славянскихъ такихъ же сосу́довъ, изъ которыхъ не брезговали пить наши предки.

— Умный былъ шаманъ,—цѣлая бутылка хересу помѣстилась въ башку.

Однако эта умная башка дала себя почувствовать одному изъ гостей.

— Это его шаманъ пежитъ (мучаетъ),—переговариваясь между собой, замѣтили Демка и Никитка, исполнявшіе роли слугъ и пополнявшіе запасы питей.

Иванъ Ивановичъ, интересуясь культомъ шаманъ, досталъ отъ не протестовавшихъ за потревоженный ихъ покой два шаманскихъ черепа, костяки и всю ихъ одежду. Все это находилось въ его кабинетѣ (если можно назвать кабинетомъ его гостиную) и предназначалось въ даръ какому-то обществу.

Этотъ маленькій эпизодъ я привелъ здѣсь къ тому, чтобы показать, какъ обыденная будничная жизнь старика изрѣдка оживлялась пріѣзжими его почитателями и какъ лучомъ свѣта согрѣвала его несчастную долю. Не даромъ же Сибирь сочувственно относилась ко всѣмъ сосланнымъ, называя ихъ «несчастными», «несчастненькими». Прежде, чѣмъ ихъ собрали въ петрозаводской тюрьмѣ, пятеро изъ нихъ: князь Волконскій, Трубецкой, Якубовичъ и еще—боюсь ошибиться, словомъ пятерыхъ водворили по привозѣ въ Сибирь въ Нерчинскомъ заводѣ, въ самомъ углу Забайкалья, сопредѣльномъ Манчжуріи.

Привожу рассказъ достовѣрнаго свидѣтеля, горнаго инженера полковника Александра Христіановича фонъ-Фитингофа.

Въ то время горнымъ начальникомъ былъ Бурнашевъ, чело-вѣкъ строгій до грубости и боязливый до трусости. Такіе ссыльные его очень беспокоили, и онъ не зналъ, какъ съ ними быть и какъ поступать. Если имъ дѣлать послабленіе, не исполнить буквально инструкцію, гласившую употреблять ихъ на тяжелую рудничную работу, то онъ можетъ жестоко поплатиться своей карьерой. Какъ быть? Надо выполнить инструкцію. Выполнить инструкцію значитъ ихъ отправить прямо въ подземелье, въ рудники, ручнымъ способомъ киркою и молотомъ добывать руду при свѣтѣ мерцающихъ свѣчныхъ салныхъ огарковъ. Бурнашевъ такъ и поступилъ. Каждый день не лѣнясь спускался онъ въ рудники и освѣдомлялся о производительности работъ «каторжниковъ».

— Чортъ знаетъ, что дѣлать съ этими сіятельными каторжниками, — горевалъ Бурнашевъ: — не знаю, что дѣлать, какъ быть; съ одной стороны, гласитъ инструкція, держать ихъ безъ всякихъ послабленій, въ строгости, занимать въ рудникахъ тяжелыми работами, а съ другой — заботиться о ихъ здоровьяхъ. Какъ тутъ быть?—нѣсколько разъ повторялъ Бурнашевъ.—Если бы не этотъ послѣдній пунктъ, то я бы ихъ скоро вывелъ въ расходъ.

«Я былъ молодымъ инженеромъ, только что пріѣхавшимъ изъ Петербурга.

«Къ несчастію, на мою долю выпало непосредственное наблюдение за «этимъ каторжниками» въ подземельи, въ рудникѣ, занимать ихъ постоянной работой безъ отдыха и поблажекъ. Что мнѣ было дѣлать? Физическія силы ихъ были слабы, ни киркой, ни молотомъ владѣть не умѣютъ, а урокъ надо выполнить. Подъ величайшимъ опасеніемъ и отвѣтственностью я рѣшилъ изыскать средства—замѣну для выполнения уроковъ другими каторжниками-простолудинами за условную плату. А мои князья отдыхаютъ.

«Бурнашевъ каждый день спускался въ шахты и осматривалъ работы всѣхъ каторжниковъ, разумѣется, и работы государственныхъ преступниковъ. За грубое его обращеніе мнѣ не однажды приходилось краснѣть и испытывать недовкое положеніе.

«— Забудьте вы, что были графы да князья, теперь вы каторжники,—напоминалъ имъ, не стѣсняясь, Бурнашевъ».

Разсказъ Фитингофа привожу дословно. Существуетъ еще и другая версія, оправдывающая Бурнашева, но, повторяю, что передаю слышанное отъ достовѣрнаго свидѣтеля, правдиваго и заслуживающаго безусловнаго довѣрія. Фитингофъ, дѣлясь со мною своими впечатлѣніями, былъ уже почтеннымъ старичкомъ, горнымъ ревизоромъ, полковникомъ.

Перехожу къ личнымъ впечатлѣніямъ и непосредственно слышанному отъ Ивана Ивановича Горбачевского.

Въ Петровскомъ заводѣ у меня заболѣли глаза, что заставило меня тамъ оставаться и сидѣть въ темной комнатѣ.

Въ одно прекрасное утро, а можетъ быть и хмурое и пасмурное,—я не видѣлъ его, а только чувствовалъ,—Иванъ Ивановичъ въ каминѣ варилъ кофе и сливки къ утреннему завтраку и велъ интересную бесѣду.

Не имѣя возможности самъ писать, я со словъ Ивана Ивановича продиктовалъ моему шурина, молодому В. Д. Старцеву, питомцу М. А. Бестужева, впоследствии студенту петербургскаго технологическаго института, слѣдующій разсказъ, заботясь лишь о буквальной передачѣ слышаннаго, сохраняя всѣ его выраженія, не прибѣгая къ исправленію стилическихъ погрѣшностей.

«Событія 1812 года знакомы мнѣ лично,—такъ началъ разсказъ Иванъ Ивановичъ.—Я 12-лѣтнимъ мальчикомъ былъ при отцѣ моемъ, состоявшемъ тогда при штабѣ Барклая-де-Толли, а потомъ Витгенштейна и Кутузова. Воспитывался я въ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ на службу на 19-мъ году артиллеристомъ въ 8-ю бригаду. Въ тайное «общество соединенныхъ славянъ» поступилъ въ 1820 г., на 20 году своей жизни, по предложенію Борисова 2-го.

«До 1825 года былъ дѣятельнымъ членомъ общества. Въ эти первые годы молодости не было дней, посвященныхъ удовольствіямъ и юной безпечности. Труды по дѣлу общества, занятія по службѣ, труды по пополненію образованія и чтеніе книгъ поглощали все время мое, тогда молодого, пылкаго юноши. Балы, маскарады, всѣ удовольствія свѣтскихъ людей мнѣ были незнакомы.

«Утро принадлежало службѣ: смотрамъ, разводамъ, ученьямъ; остальное время дня канцелярскимъ формальностямъ.

«Вечера были поглощены разнообразными занятіями по Думѣ нашего «общества славянъ», требовавшаго дѣятельности, распоря-

женій и такихъ распоряженій, которыя требовали осмотрительности и при томъ самой тщательной осторожности по сохраненію тайнъ общества.

«Союзъ «славянскаго общества» съ «южнымъ» вызывалъ рядъ безконечныхъ занятій и сужденій. Собраніе наше представляло нѣчто въ родѣ палаты депутатовъ, гдѣ въ извѣстное время собиралось 150 членовъ и болѣе. Всякая мѣра предстоящихъ дѣйствій общества, предложенная президентомъ союза, обсуждалась и рѣшалась большинствомъ голосовъ. Засѣданія наши представляли полную возможность и независимость въ высказываніи мнѣній, гдѣ не было подобострастія низшаго къ высшему, служебные ранги не мѣшали равенству въ дѣлахъ общества, дружескія отношенія при обсужденіи какихъ-либо мѣръ не мѣшали горячимъ спорамъ въ защиту своей идеи; гдѣ всякая мысль проходила чрезъ критику умовъ всѣхъ членовъ, и уже выходила очищенной отъ пристрастій и промаховъ.

«Нерѣдко бывали и крупныя разногласія по принятію какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ, на которыя болѣе осторожные не соглашались.

«Изъ такихъ спорныхъ вопросовъ приведу одинъ случай, которымъ рѣшился вопреки благоразумію рискованный шагъ. Поручикъ Х. докладываетъ, что ротный командиръ Саратовскаго полка не дозволяетъ солдатамъ 8-й артиллерійской бригады ходить въ его роту, что, конечно, препятствовало распространенію идей среди нижнихъ чиновъ о предпринимаемой реформѣ. Предстояло избавиться отъ ротнаго командира, но какъ? Предложенные планы были различны и многіе рискованы, на которые начальникъ нашъ Муравьевъ, человѣкъ осторожный и предусмотрительный, былъ весьма разборчивъ на средства, не дозволялъ никакихъ крайнихъ мѣръ, которыя могли бы огласить тайну. Однакожъ молодые люди большею частью обладали энергичнымъ и рѣшительнымъ характеромъ и были готовы на самую крутую мѣру, лишь бы устранить препятствіе. Поручикъ Кузьминъ вызвался взбунтовать роту Березина, и это предложеніе собраніемъ принято съ восторгомъ, съ криками «ура» и «браво». Такое рѣшеніе не только не одобрено Муравьевымъ, но привело его въ бѣшенство, какъ противника крутыхъ и опасныхъ мѣръ.

«— Слушай, Горбачевскій,—сказалъ онъ:—если ты не предупредишь этого сумасброднаго намѣренія, я тебя убью.

«Выразивъ повиновеніе начальнику, я въ то же время, втайнѣ сочувствуя намѣренію Кузьмина, шепнулъ ему, чтобъ онъ привелъ свой планъ въ исполненіе, но осторожно.

«Устранить Березина отъ командованія ротой было необходимо, и съ этимъ всѣ были согласны, кромѣ Муравьева, который пришелъ въ негодованіе и представилъ резоны всей невыгоды и

риска, грозящаго разрушеніемъ общества съ печальными послѣдствіями.

«— Если ты, Горбачевскій, не уймешь этихъ цѣпныхъ собакъ, я тебя убью—снова повторилъ Муравьевъ.

Собраніе кончилось.

«Въ четыре часа утра прискакалъ ко мнѣ фейерверкеръ.

— Ваше благородіе, третья рота Саратовскаго полка взбунтовалась.

«— Вели поскорѣ осѣдлатъ мнѣ лошадь,—сказалъ я.

«Пока я одѣлся и привелъ себя въ порядокъ, выйдя изъ дома, третью роту я нашелъ уже на линіи.

«Шакало, одинъ изъ членовъ общества, рослый и дюжій мужчина, еще наканунѣ, тотчасъ же по окончаніи собранія взялъ на себя взбунтовать роту, и въ этомъ успѣлъ въ совершенствѣ. Вся рота на линіи кричала: «давайте намъ другого командира, мы не хотимъ Березина». Командиръ полка, трусливый старикашка, чтобы уладить скандалъ, былъ на все согласенъ, лишь бы дѣло не приняло серьезнаго оборота. Шакало, видя благопріятный результатъ, пробѣжалъ по заднимъ рядамъ роты со словами: «соглашайтесь, ребята». Заявленіе роты было командиромъ принято и Березинъ смѣненъ, а вмѣсто него назначенъ командовать ротой одинъ изъ членовъ нашего общества.

«Вербовались въ члены общества—продолжалъ Иванъ Ивановичъ,—большею частью молодежь, съ не установившимися, не выработанными взглядами, съ смутными, неясно очерченными идеалами. Молодежь жаждала подвига, дѣятельности. Не скажу, что это были все умныя головы,—скорѣе это были горячія головы.

«Хотя я упомянулъ, что въ нашемъ «парламентѣ» была полная свобода въ выраженіи мнѣній, но далеко не всякое мнѣніе принималось къ свѣдѣнію. Горячимъ головамъ сейчасъ же требовалась дѣятельность, они не выжидали хода событій, не соображались съ обстоятельствами. Изъ такихъ горячихъ головъ былъ и Кузьминъ. Онъ, какъ говорится, рвался къ бою. Ему надоѣло по нѣскольку часовъ сидѣть въ собраніи и выслушивать главарей о планахъ и способахъ новаго государственнаго устройства.

«— Послушайте, Горбачевскій,—разъ, оставляя собраніе, сказалъ мнѣ Кузьминъ:—знать не знаю я вашихъ конституцій, революцій, республикъ,—мнѣ бунтъ давайте.

«Такихъ сумасбродовъ былъ не одинъ Кузьминъ...

«Извѣстна исторія доноса Майбороды и Шервуда...

«Надвинувшіяся событія застали насъ врасплохъ, въ походъ собрались въ одну ночь: лошадей подковали, обозъ соорудили живо...

«Разбили, разсѣяли насъ около Бѣлой Церкви. Многихъ арестовали, въ числѣ которыхъ былъ и Кузьминъ. Въ первой стычкѣ съ императорскими войсками Кузьминъ былъ тяжело раненъ, но

всю дорогу, пока насъ везли подъ строгимъ конвоемъ въ Бѣлую Церковь, страдалъ молча отъ тяжкихъ ранъ.

«На одной изъ станцій раздался выстрѣлъ: то Кузьминъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ пистолета, направленнаго въ грудь, спрятаннаго въ рукавъ шинели».

Въ видахъ сохраненія подлинности разсказа, мною записаннаго, я не рѣшаюсь приводить другія бесѣды съ Иваномъ Ивановичемъ на память, опасаясь за точность передачи и боясь того, чтобы не погрѣшить противъ достовѣрности.

Однакожъ отчетливо помню разсказъ, какъ привезли ихъ на ямскихъ тройкахъ въ Зимній Дворецъ. Это было глубокой ночью.

«Мы стоимъ въ оковахъ въ огромныхъ залахъ дворца, позади насъ часовые, да флигель-адъютанты шныряютъ молча.

«Вдругъ распахнулись двери кабинета, и вошелъ императоръ Николай.

«Быстрыми шагами подошелъ къ намъ.

«— Чего вы хотѣли? Конституціи?

«— Нѣтъ, государь,—сказалъ Н.,—мы имѣли намѣреніе образовать федерацію изъ всѣхъ славянъ...

«— Я, государь, не могу справиться съ такой идеей, чтобы объединить всѣхъ славянъ, а вы самовольно, сумасбродно задумали вершить судьбами народовъ...

«Краткій допросъ всѣхъ насъ сдѣлалъ самъ государь, и опять завязали намъ глаза и увезли...

«Дальнѣйшую эпопею вы знаете».

Изъ уцѣлѣвшей переписки, сохранившейся въ теченіе почти полувѣка, привожу здѣсь дословно два письма Ивана Ивановича ко мнѣ, писанныя имъ собственноручно:

«1861 г., декабря 14 дня. Петровскій заводъ. (Получено въ Кяхтѣ 17 декабря, отвѣчено 13 января).

«Милостивый Государь Петръ Ивановичъ!

«Милое ваше письмо отъ 24 ноября я получилъ 2 декабря,—за что васъ отъ души благодарю; видите, я нарочно пишу, котораго числа ваше письмо дошло до меня,—а мы живемъ отъ Кяхты только 250 верстъ; да здравствуетъ почта, доставляющая такъ скоро письма! но дѣло ужъ теперь не въ почтѣ, я еще благодарю васъ сердечно за вашу память обо мнѣ и за ваши чувства.

«Читая ваше письмо, я не могу всего выразить вамъ — какъ бы хотѣлось и что бы хотѣлось. Но, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ! пощадите меня, я не успѣлъ заслужить передъ вами то расположеніе, какимъ, вижу, я пользуюсь отъ васъ теперь. Чѣмъ я заплачу за теплоту вашихъ чувствъ и доброту вашего сердца? Если я не сравнюсь въ этомъ съ вами, то прошу васъ, вспомните мое все прошедшее, тогда и будете великодушны и снисходительны къ старому допотопному существу, у котораго все уже притупилось.

«Вѣрю во всемъ вамъ и за все сердечно благодарю. По времени полученія моего письма вы увидите, что я не могъ исполнить ваше желаніе; вашъ срокъ былъ пятого декабря, письмо же получено 2 декабря, да еще за огромной своей перепиской недѣлю пропустилъ и не успѣлъ отвѣчать вамъ скорѣе. Я много получилъ интересныхъ писемъ и изъ силъ выхожу, а надобно отвѣчать, и повѣрите ли, къ отправкѣ на сегодняшнюю почту написано 16 писемъ. Къ вамъ пишу 17-ое и еще не все, надобно написать еще нѣсколько. Простите за подробности, но надѣюсь на ваше снисхожденіе, пишу для того, чтобы вы не приписали краткости моего письма моей лѣни или небрежности. Буду писать къ вамъ, но прошу, не считайтесь письмами, будьте, какъ всегда, добры, пишите мнѣ такія письма, какъ ваши, — отрада и утѣшеніе въ скорбной моей жизни; храни васъ собственное ваше достоинство отъ сомнѣнія въ моихъ чувствахъ и словахъ; повторяю вамъ, я говорю правду, — но душа моя растерзана сегодня, — она не въ силахъ далѣе продолжать, — до будущаго времени, — а теперь будьте здоровы, берегите ваши глаза.

«Вашъ навсегда преданный Иванъ Горбачевскій.

«Жму крѣпко руку Алексѣю Михайловичу¹⁾ за его для меня дорогой подарокъ, который передалъ мнѣ Борисъ Васильевичъ²⁾, буду его хранить и съ чистою любовью на него смотрѣть».

Еще одно письмо съ помѣткой: «19 марта 1862 года Петровскій заводъ».

«Милостивый Государь Петръ Ивановичъ!

«Знаю и помню, что я передъ вами виноватъ и въ долгу; я получилъ милое ваше письмо и буду вамъ отвѣчать, но теперь, когда спѣшу писать, по случаю скорого отъѣзда Бориса Васильевича, остается одно только мое желаніе и единственная потребность души — душевно и искренно благодарить васъ за присылку лекарства и за ваши хлопоты и труды; а Алексѣю Михайловичу мой усердный поклонъ и благодарность за передачу вамъ моего порученія, такому исправному комиссіонеру, какъ вы. Когда же вы пришлете мнѣ свою карточку съ вашимъ портретомъ? Алексѣй Михайловичъ у меня уже поставленъ около Пущина и Оболенскаго; я васъ тоже въ тотъ же кружокъ помѣщу всѣхъ близкихъ моему сердцу. Обнимаю васъ душевно и жму вамъ руку, вашъ навсегда Иванъ Горбачевскій».

Въ письмахъ моихъ къ Ивану Ивановичу я, между прочимъ, не разъ просилъ его сдѣлать наброски воспоминаній, болѣе подробные, чѣмъ мною приведенные выше. Онъ нѣсколько разъ обѣщалъ, но откладывалъ до болѣе досужаго времени. Однакожъ, за

¹⁾ Лушниковъ.

²⁾ Вѣлосеровъ.

мелочными недосугами и будничными заботами общаній, не исполнилъ.

Не разъ повторявшееся наше—почитателей Ивана Ивановича—паломничество въ Петровскій заводъ всегда оставляло неизгладимое впечатлѣніе, производимое его бесѣдами и сердечностью, съ которыми онъ относился къ окружающимъ его друзьямъ и почитателямъ. Петрозаводскіе обитатели читли и почитали его за правоту и доброту, которымъ онъ нерѣдко помогалъ въ нуждѣ изъ своихъ скудныхъ средствъ.

Кстати сказать, истинное спасибо ближайшему сосѣду Ивана Ивановича, Борису Васильевичу Бѣлозерову, который не скупился поддерживать его матеріальными средствами, заботливостью и искреннимъ участіемъ къ судьбѣ изгнанника.

Тюрьмы опустѣли. Оставшіяся стѣны тюрьмы, въ то время обнесенныя тыномъ, теперь время снесло съ лица земли.

Изъ ста пяти узниковъ Петровскаго каземата оставался въ живыхъ одинъ Иванъ Ивановичъ Горбачевскій дотягивать свои печальные дни, прекратившіеся смертью въ 1869 году.

На высокомъ холмѣ, вблизи завода, покоится прахъ его, рядомъ съ могилами товарищей по изгнанію. На одной изъ нихъ виднѣется памятникъ, отлитый изъ чугуна, представляющій колонну.

— Былъ столбъ, да сломился. — говорилъ Иванъ Ивановичъ, глядя на памятникъ товарища.

Эти слова были вызваны неудачной отливкой колонны, у которой вершина оказалась сколотой.

Суровая судьба сломила не одинъ изъ такихъ столбовъ.

III.

Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

Впервые познакомился я съ Михаиломъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ 1857 году, бывъ въ Баргузинѣ проѣздомъ далеко на сѣверъ, въ Витимскую тайгу, за озеро Баунтъ, въ верховьяхъ истоковъ рѣки Витима.

Мнѣ предстояло провести нѣкоторое время въ Баргузинѣ, гдѣ пользовался квартирой и гостепріимствомъ Михаила Карловича, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ со времени его причисленія въ Баргузинъ на поселеніе по освобожденіи изъ Петровскаго каземата.

Мѣстомъ поселенія ему была назначена Читкинская волость, въ 10 верстахъ отъ города Баргузина, но мѣстное начальство разрѣшило временно жить въ этомъ городѣ, гдѣ онъ со временемъ и поселился на постоянное жительство и жилъ тамъ безвыѣздно до самой смерти.

Въ городѣ имѣлъ онъ свой собственный деревянный домъ въ четыре комнаты съ мезониномъ и усадебное мѣсто съ хозяйственными постройками.

Семейство его состояло тогда изъ жены, Анны Степановны, баргузинской уроженки и, кажется, изъ полудюжины дочерей, подростковъ отъ 8 до 15 лѣтъ. Одна изъ нихъ, старшая, воспитывалась въ Иркутскѣ, помнится, въ сиропитательномъ заведеніи. Остальныя же въ то время росли и пользовались вполне деревенской свободой и бѣгали босоножками.

Какъ всѣ декабристы, Михаилъ Карловичъ пользовался любовью и большимъ уваженіемъ мѣстныхъ жителей, въ особенности тунгузовъ и бурятъ, съ которыми велъ дружбу и былъ ихъ совѣтникомъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и, кромѣ того, докторомъ, разумѣется, даровымъ. Словомъ, «водилъ съ тунгузами компанію» и не чуждался съ ними и погулять, и выпить чарку «арахи». Арахи—это молочное вино-водка, которую гонятъ бурята изъ кислаго молока, послѣ того, какъ используютъ свѣжее въ сметану и масло.

— Кар... кар... слышалось въ сѣняхъ, шумъ и голоса бурятъ и тунгузовъ.

Затѣмъ что-то повалилось.

— Это моего «нѣмца» волокутъ эти черти,—засуетившись, воскликнула Анна Степановна, встрѣчая гостей.

— Онъ вѣдь, теперь уже не можетъ сверстаться съ ними, остарѣлъ, слабый сталъ.

Правда, гости его казались болѣе бодрыми и, усѣвшись кружкомъ на полу, продолжали бесѣду, въ которой ничего нельзя было разобрать, кромѣ частаго упоминанія «кар... кар»...

Такіе возгласы означали имя Михаила Карловича: «Карлычъ, Карлычъ».

— Анна Степановна, дай мой ящикъ съ «аптекой».

— Да ты чего еще выдумалъ? Нашелъ время лечить, вѣдь отравишь ихъ, «нѣмецъ»...

— Не твое дѣло...

И, усѣвшись на томъ же полу, въ кругу своихъ пріятелей, «докторъ» развѣшивалъ порошки, свертывалъ въ капсулы, не забывая въ то же время пускать въ носъ большія щепотки табаку.

— Не сыпь въ лекарства-то... отравишь.

— Не твое дѣло...

Надѣливъ своихъ гостей лекарствомъ, Михаилъ Карловичъ предложилъ имъ и угощеніе. Анна Степановна оказалась радушной хозяйкой и не гнушалась гостями изъ степныхъ улусовъ долины Баргузины. Она охотно подливала имъ арахи изъ всегда въ лѣтнее время имѣвшихся запасовъ и время отъ времени дѣлала замѣчанія своему «нѣмцу»:

— Да не лей на полъ-то.

Большого труда стоило Аннѣ Степановнѣ выпроводить гостей по добру, по здорову. Нѣкоторые «пали костями», добравшись только до сѣней, и лишь по утру разбрелись по домамъ.

Такова была излюбленная среда бывшего гвардейскаго офицера, любимца большого свѣта и товарищей.

Баргузинское общество тогда состояло изъ исправника, священника и двухъ-трехъ мѣстныхъ купцовъ. Изъ послѣднихъ былъ довольно богатымъ Иванъ Ивановичъ Чернышъ.

Доктора постоянного не было, онъ наѣзжалъ изъ Верхнеудинска за 400 верстъ.

Былъ ли въ ладахъ Михаилъ Карловичъ съ мѣстной интеллигенціей,—сказать не сумѣю. Но мѣстные жители крестьяне обращались къ нему за медицинской помощью, оказываемою всегда безвозмездно, разумѣется, изъ собственнаго тощаго кармана тратя на лекарство.

Матеріальной поддержкой, кромѣ скуднаго сельскаго хозяйства, служили занятія его по агентурѣ отъ золотопромышленныхъ компаній, Витимской тайги. Въ послѣдніе годы участливо отнесся къ нему Петръ Людовиковичъ Боровскій, бывшій главноуправляющій пріисками Баунтовской компаніи.

Боровскій, бывшій профессоръ варшавскаго университета, былъ сосланъ въ Сибирь по польскому возстанію 1830—1831 года, находился до 1853 г. въ каторжныхъ работахъ въ Нерчинскомъ заводѣ вмѣстѣ съ докторомъ Бопре и другими компатріотами. Эти ссыльные поляки, за неимѣніемъ учебныхъ заведеній въ Забайкальи были просвѣтителями мѣстнаго юношества, какъ и декабристы. А послѣдователи ихъ, политическіе ссыльные поляки 1863 года, внесли не менѣе цѣнный вкладъ—кустарную промышленность: сапожное, портняжное ремесло, пивовареніе, сыродѣліе, колбасное и другіе мелкіе промыслы и музыкальное искусство. Край, такъ или иначе, благодаря ссыльному элементу, сталъ болѣе культурнымъ.

Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ былъ буквально заброшенъ въ пустынный край, населенный преимущественно бурятами, оторванный отъ всѣхъ товарищей; даже родной братъ его Вильгельмъ Карловичъ, по выходѣ изъ тюрьмы, былъ водворенъ и постоянно жилъ въ пограничной съ Монголіей крѣпости въ Акшѣ, на берегахъ Онона, родинѣ Чингисхана, за тысячу верстъ.

Это тотъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, другъ нашего великаго поэта, въ шутку сказавшаго:

«Мнѣ кюхельбекерно и тошно».

Но тошнѣ было изгнаннику...

Семейная жизнь Михаила Карловича омрачалась разводомъ съ женой Анной Степановной по доносу священника за женитьбу на

кумъ! За такое брачное родство дѣти были признаны незаконными. Сожительница его—разведенная жена, баргузинская мѣщанка, женщина простая, едва ли грамотная, не могла, разумѣется, хотя сколько-нибудь проникнуться его интересами, а тѣмъ болѣе раздѣлять его идеи.

— И что онъ все въ книжку смотритъ, напрасно только время теряетъ.

А медицинскую его практику считала прямымъ убыткомъ Эпитетъ «нѣмца», какъ она называла стараго декабриста, въ устахъ Анны Степановны былъ ласкательнымъ.

Во время далекаго и труднаго пути по сѣверной тайгѣ я съ благодарностью вспоминалъ гостепріимныхъ хозяевъ, лакомясь свѣжимъ сливочнымъ масломъ, въ достаточномъ количествѣ пополнившимъ мои дорожные запасы заботливой рукой Анны Степановны.

Въ этихъ воспоминаніяхъ я воспроизвелъ все мною видѣнное, окрашивая въ дѣйствительные цвѣта. Будетъ понятно, что я не могъ не коснуться и той слабости Михаила Карловича, которая временами посѣщала его въ дни скорби и одиночества. Зброшенный на многіе годы въ угрюмую холодную страну, онъ не по страсти, а, пожалуй, не безъ умысла позволялъ себѣ «забыться и заснуть морально».

Онъ среди людей былъ истиннымъ пустыннымъ.

Да не омрачится его память отъ сказаннаго, да не померкнетъ его ореолъ, какъ гуманнаго, честнаго человѣка-гражданина, испутившаго свои увлеченія годами многолѣтней каторги.

Умеръ онъ въ томъ же Баргузинѣ, въ 1859 году.

Миръ праху его.

П. Першинъ-Караксарскій.

